К.А. УСЕЙНОВ, Г.Н. КИРИМОВ
КъДМПУнынъ къырымтатар ве тюрк филологиясы кафедрасынынъ оджалары

ЯКУБ КЕМАЛЬ ТЮРКО-ТАТАРСКАЯ РУКОПИСЬ XIV В. «НЕХДЖУ-ЛЬ-ФЕРАДИС».

Ныне выясняется, что между так называемым литературным уйгурским языком начала исламской эпохи в Средней Азии и литературным чагатайским языком времени тимуридов имеется промежуточное звено в виде не получившего окончательного оформления на своей территории языка XII-XIV веков в бассейне нижнего течения Сырдарьи, в Хорезме, и с XIII века – в Золотой Орде».

К этому именно, называемому профессором Самойловичем промежуточным, языку, точнее говоря – ко второму периоду среднеазиатско-турецкого литературного языка, т.е. огузско-кыпчакскому, мы и относим произведение «Нехджу-ль-Ферадис».

Из приведенных выше сопоставлений некоторых языковых форм нашей рукописи с таковыми же других литературных произведений второго периода и из других примеров выясняется, по нашему мнению, что состав словарного материала «Нехджу-ль-Ферадис» обязан своим происхождением трем главнейшим источникам или центрам: 1) восточно-туркестанскому или кашгарскому языку, 2) кыпчакскому диалекту и 3) огузскому с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме.

Сопоставляя «Нехджу-ль-Ферадис» с немногим известным нам по списку материалов «Мухаббет-наме», мы можем прийти к заключению, что язык нашей рукописи сохранил в себе большие следы восточно-туркестанского или кашгарского языка. Что же касается вопроса о наличии в словарном материале элементов кыпчакского диалекта, то мы можем указать, как на более характерное, следующее выражение: اورام */oram/* – улица همیشه عادتی اول اردی کیم اورام قا چیقار اردی (стр. 255) */hämişe adeti ol erdi kim oramqa çıqar erdi/* и некоторые из приведенного нами списка, а также целый ряд других выражений и примеров.

Сохранившиеся некоторые следы кыпчакского диалекта в современном казанско-татарском разговорном языке фигурируют кое-где в тексте нашей рукописи.

Это же относится в некоторой части также и к остаткам кыпчакского диалекта в наречиях крымских степных татар и караимов.

Равным образом огузский диалект оставил свои следы в словарном материале в приведенном нами списке, а также и в цитированных отрывках и примерах.

В нашей краткой статье за отсутствием у нас достаточных материалов для сравнения различных тюркских языковых памятников, мы не имели, к сожалению, возможности ознакомить наших читателей с более подробным разбором описанного литературного памятника.

Одновременная находка двух экземпляров «Нехджу-ль-Ферадис» – в Крыму и в Стамбуле – откроет новую эру в изучении литературного языка второго периода, тесно связанного с возрождением и расцветом османского литературного языка, азербайджанского, казанско-татарского и крымско-татарского.

Исследование найденных памятников даст в области изучения языка второго периода то же, что внес в науку Махмуд Кашгарский в области изучения языка первого периода.

Помимо этого, исследованный нами крупнейший языковой памятник представляет чрезмерно важное значение, как отражающий в той или иной мере влияние персидского и арабского языков на тюркский. Объединяя наш экземпляр рукописи с манускриптом Ени-Джами, что составляет вместе более 1000 страниц, мы находим в этом памятнике литературного языка чрезвычайно большое количество слов, доселе бывших совершенно не известными, равно как и значительное количество грамматических форм и архаических особенностей. На этом архаическом языке, понятном и доступном широким народным массам, автор книги сумел передать совершенно свободно самые разнообразные сюжеты в самых сложных и тонких оттенках, пользуясь лишь очень незначительным по сравнению с другими авторами количеством слов, заимствованных из арабского языка – преимущественно терминов религиозного значения. Согласно произведенному нами анализу, количество арабских слов заметно превышает число слов персидского происхождения.

Наше краткое исследование мы считаем, разумеется, предварительным и далеко не исчерпывающим всего богатства научного материала и заканчиваем положением, чтобы ученые тюркологи нашего Союза, а равным образом и наши заграничные коллеги могли использовать для всестороннего изучения материала, нашу рукопись, которая передается в библиотеку Центрального музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае.

В заключение статьи мы приводим несколько наиболее интересных по историческим данным отрывков текста с

(Начало в № 5).

переводом их, а также отрывки, представляющие из себя образцы переводов автора с арабского языка изречений Мухаммеда и Корана.

Мы начинаем с перевода того отрывка рукописи, который прилагается в конце статьи в виде факсимиле.

«Халиф Осман послал сына Абу-Бекра Мухаммеда в Египет управлять им. И Мухаммед вышел из Медины вместе с египетским народом (посольством). Они прошли расстояние трехдневного пути, как вдруг видят одного раба-абиссинца, сидящего на верблюде и едущего. Сын Абу-Бекра сказал: идите и встречайте этого человека и еще спросите его, за каким делом он едет, – сказал он. Они отправились и спрашивали. Он сказал, что я – раб повелителя правоверных Османа, еду в Египет и сказал же он: и повелителю Египта Абдулле сыну Сарха, несу весть. Они сказали: Бек Египта здесь. Иди – сказали (ему). Он сказал: я пришел не для него.

Они дали ему возможность (уйти) и привели к сыну Абу-Бекра Мухаммеду. Мухаммед спросил: что это за слово, которое повелитель правоверных, говоря тебе, послал тебя – сказал он же. Тот того слова не сказал. Мумммед сказал: есть ли при тебе письмо – говорил он. Тот сказал, что письма нет. Мухаммед сказал: обыщите его, письмо должно бы быть у этого, – сказал он. Его обыскали. Письма совсем не нашли. При нем был один пустой мешок Когда его перетрясли, в нем что-то задвигалось Когда его вытрясли, выпало письмо. Сын Абу-Бекра Мухаммед открыл это письмо при великих мужах Египта. Написано так что: Я – от Османа – Абдулле, сыну Эби-Сарха – таково мое слово, что я направил сына Абу-Бекра Мухаммеда в Египет; когда он дойдет до Египта, убей его и ты как прежде оставайся беком, – сказал он. Когда они увидели такое письмо гнев пришедших из Египта очень (более) увеличился. И заболело сердце Абу-Бекра. И все вернулись в Медину. И всех сахабе они собрали. Показали эту весть и письмо Али и Тальхе. Все сахабе очень удивились. И Али – да будет Бог им доволен – возглавляя (их), пошел к Осману. И когда это письмо при Османе прочли, Осман сказал: во имя Бога, я этого письма не написал и никому (человеку) не повелел, этого раба я не направил, – сказал он. Али сказал: чей почерк этого письма? Говорили: это письмо – есть почерк Мервана. Мерван был писцом также зятем Османа. Все сахабе сказали, что повелитель правоверных Осман ложно не будет клясться. Определенно мы знали, что это дело есть Мервана – сказали они. Если так – сказали пришельцы из Египта, – выдай нам Мервана. Осман – да будет доволен им Бог – сказал: если Мервана выдам вам, вы убьете его; ему по шариату (за это) смерть не полагается – сказал. И Мервана им не выдал, они все разгневанные вышли. В ту же ночь Осман – да будет доволен им Бог – во сне видит пророка – да будет доволен им Бог – и при нем – Абу-Бекра и Омара – да будет доволен ими Бог – Пророк – да будет над ним мир – говорит: «О, Осман, завтрашний твой пост прекрати при нас (у меня), (так) сказав, говорит. Когда Осман – да будет доволен им Бог – этот сон увидел, он узнал, что приблизилась его кончина. Говоря это (себе), он, в тот день соблюдал пост. Когда настало утро, все те египтяне, собираясь с шумом, пришли к двери Османа и сказали, что подай нам Мервана; если нет – тебя убьем, говорили они. Осман – да будет Бог им доволен – запер свою дверь и поднялся на крышу, и сказал что: О, мусульмане, почему вы меня убьете, так говоря, сказал он. Пророк сказал, что кровь человека мусульманина не будет дозволенной (пролить) за исключением трех дел (преступлений); кровь его будет дозволенной (пролить) после того, как он, бывши мусульманином, станет неверным или после взятия женщины (женитьбы), если совершил прелюбодеяние, или если беззаконно убьет кого-либо – сказал. Вот я от своей религии не отступил и не был неверным; во время (до пророка Мухаммеда) جاهليت и во время мусульманства я прелюбодеянием не занимался. После того, как я держал священную руку пророка (женился на дочери пророка) – тою рукою я не прикоснулся к другому телу, – сказал он.

Каким путем (за что) говорите – убьем его – сказал. Осман сказал, что, когда пророк – да будет над ним мир – прибыл в Медину, у человека из племени Гифар был в Медине колодец под названием Руме. Вода этого колодца была сладкой, но тот людям не давал ее, другие же колодцы все были горькие. Пророк – да будет над ним мир – сказал, что если кто-либо (взял) купил бы колодец Руме и сделал бы его для мусульман себилем سبيل (фонтан, предоставленный для пользования прохожим), то когда этот колодец я из своего достояния купил за 35000 ярмак и сделал его себилем, то пророк возвестил (благовествовал) мне рай. Вот вы намеривались мне (причинить), зло – сказал; так не делайте, бойтесь Бога – говоря так, увещал их добрыми словами. И спустился. И дошла до Али эта весть, что около двери Османа стоит собравшись народ; когда сказали, Али послал своего слугу именем Канбера, и Хусейна, и Хасана итого троих, чтобы они охраняли мечем дверь Османа. И они сторожили дверь (его). Двое (из толпы) вошли через задние маленькие дверцы дома Османа – да будет доволен Бог им – с мечами в руках. Осман – да будет доволен им Бог – открывши Коран, читал и дошел до слова Всевышнего: «Суре бакаре» – стих 137. فسيكفيكهم الله وهو السميع العليم – «тебе довлеет (достаточно) Бога. О, Мухаммед! ты их вражды не бойся – в скором времени тебя от их зла избавит он, вездеслышаший и всезнающий. И при нем была его жена именем Наиле. Когда те двое проклятые убили Османа, кровь брызнувшая попала на этот стих.[1] Тот окровавленный Коран есть по сей день в Иерусалиме (Бейт-уль-Мукаддес). Если паломники хотят, то его выносят и показывают посещающим (заставляют его быть посещаемым). Когда тот проклятый ударил его мечем, жена Османа упала на него; и ее же ударили мечем, половина

[1] Коран, на котором был убит Осман, может быть, соответствует, как видно из приведенного здесь описания эпизода, тому, который до войны 1914 года находился в С.-Петербургской публичной библиотеке, в 1917 же году был перевезен в Уфу. При советской власти отправлен специальным поездом в Туркестан, как в область прежнего его местонахождения. Согласно упоминанию автора «Неджу-ль-Ферадис», исторический Коран в его время находился в Иерусалиме. Во время покорения Сирии Тимур-ленгом (803г.), по-видимому, Коран этот наряду с другими предметами, унесен был в Среднюю Азию.

ладони ее разрезалась; плача она защищалась.

После этого те двое вышли, и еще один вошел в то время, когда еще повелитель правоверных Осман не был убит. Жену Наиле он сильно бил и тогда жена начала плакать, и Осман тоже плакал и этого некоего проклял. В этот промежуток жена его убежала и поднялась на крышу и закричала говоря: повелителя правоверных вошедшие с задней стороны два человека убили мечем. Это никак не было известно Хасану и Хусеину. Когда (они) открыли дверь и вошли, видят повелителя правоверных мученически убитым и на Коране разбрызганную кровь. Они очень плакали и сказали: «Мы воистину для Бога и мы воистину к нему вернемся».[2] Как Али услышал эту весть и пришел. И бил Хасана и Хусеина говоря: почему вы не защищали дверь. Те говорили: мы крепко защищали дверь, но не знали, что эти убийцы вошли через заднюю дверь – сказали они. Он был мученически убит в 18-й день, в день джума (пятница), месяца зуль-хиджэ; он перешел в другой мир, будучи 90 лет (от роду). Без двенадцати дней, двенадцать лет он был халифом».

* * *

«Эбу Юсуф много времени был последователем Эбу Ханифе и был достойным факи. Он полагал сам относительно себя, что он столько уже лет был последователем Эбу Ханифе и приобрел его знания – посижу-ка (теперь) у себя дома и займусь служением Богу, – говорил он, и перестал посещать (обслуживать) Эбу Ханифе. И вот Эбу Ханифе узнал, что мнение Эбу Юсуфа стало таким, что я (Эбу Юсуф) стал достаточно ученым и не нуждаюсь в Эбу Ханифе и, говоря это, он перестал его посещать (сказал). И некоему человеку сказал: иди к Эбу Юсуфу и задай такой вопрос, что некто отдал красильщику бязь, чтобы окрасить. После нескольких дней владелец бязи пришел и спросил красильщика, говоря, что окрасил ли ты эту мою бязь. Красильщик говорит – ты мне не отдавал бязи. Так говоря, это отрицал. У владельца бязи не было свидетеля, и поскольку его нет, он не стал жаловаться в суд и тому красильщику сказал, что ты в глаза отказался от моей бязи – на том свете у Бога буду на тебя жаловаться – сказал и ушел. Еще спустя несколько дней красильщик раскаялся, встретил владельца той бязи и сказал, что я сделал зло, отрицая. Вот твоя бязь, я окрасил. Говоря, положил бязь около владельца бязи. Вот теперь для владельца бязи плата за окраску обязательна или нет, – спроси. Если Эбу Юсуф скажет, что плата за окраску бязи обязательна, то скажи, что вы ошиблись. И если необязательна, скажет – скажите: опять вы и ошиблись. Тот некий отправился к Эбу Юсуфу и как говорил Эбу Ханифе, так и спросил его, Эбу Юсуф ответил, говоря: обязательной будет. Тот человек сказал: это ошибка. И еще сказал (Эбу Юсуф): не будет обязательной, тот человек сказал, что и это есть ошибка. Эбу Юсуф стал удивленным. И с тем человеком вместе отправился к Эбу Ханифе и его вопрос при Эбу Ханифе повторил и коль скоро сказал свой ответ, Эбу Ханифе, сказал: этому вопросу дать ответ очень трудно. Этому в иной форме ответ надо дать – сказал он. Эбу Юсуф сказал: объясните нам, да будет нам польза. Эбу Ханифе – да простит Бог его – сказал: ответ на этот вопрос есть таков, что если красильщик после окраски отрицал бязь, то плата обязательной будет, а если перед тем, как бязь была окрашена, отрицал ее, а после окрасил – плата не будет обязательной. Как это сказал он, Эбу Юсуф после этого не прекращал никаким образом посещения (его)».

Форма фетвы, данной улемом при Шагин-Гирее на основании его предложения о заключении свободного договора о мире.

Приводимый нами здесь текст фетвы, которая дана была улемом по запросу Шагин-Гирея, говорит о разрешении заключить независимый договор о мире с неверными, и стоит в связи с событиями Кучук-Кайнарджисского трактата 1771 года, сделавшего Крым независимым. Начало фетвы в переводе:

«Первая форма дозволения независимого (свободного) мира».

«При нападении войск неверных, на войска одной из стран Ислама, которая никоим образом не может защищаться и противостоять путем борьбы из-за боязни утери владычества Ислама, разрушения мечетей, изнасилования женщин, избиения детей и разграбления имущества, в условиях принуждения, разрешается ли или нет заключить независимый мир». Ответ: дозволено, по слову Божьему. Бог говорит: «правоверные не должны иметь неверных друзьями – только правоверных. Кто это делает, ничего не имеет (хорошего) от Бога, ни в какой вещи, за исключением, если вы из-за боязни (имеете неверных друзьями) и страшитесь их». Т.е. необходимо избегать боязни в такой форме. Только при таком избежании могут превратиться правоверные в неверных или мусульманин примет их религию и даст согласие языком (на словах), в то время как его сердце будет наполнено верой. Если так – на нем нет греха. Это есть дозволение со стороны Бога Всевышнего. Поскольку разрешается принятие мусульманином их религии языком (на словах), в то время как сердце его наполнено верой, при боязни мусульманина гибели, тогда разрешение заключать мир независимый по форме, тем более дозволено هير عيون.

Вторая часть фетвы носит название:

«Вторая форма увековечения независимого вышеуказанного мира».

В тексте говорится, что в настоящее время положение мусульманина является еще более тяжелым и вынужденным, чем прежде, а потому написанный в этой форме независимый мир нарушать не дозволяется и запрещается.

Указывая на эти обстоятельства, Шагин Гирей сам обратился с вторичной просьбой к улемам подтвердить и увековечить дозволенный мир и получил от них это подтверждение.

(Продолжение следует)

[1] Выражение, которое употребляется при известии о смерти кого-либо из правоверных, даже и на современном Востоке